

17. Бычков С. Ю. Мотивация труда на Тверском вагоностроительном заводе, 1915–1928 гг. // Экономическая история. Вып. 8. М., 2002. С. 23–39; Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. 240 с.

18. Lewin M. The Social Background of Stalinism // Stalinism. Essays in Historical Interpretation / ed. R. C. Trucker. N. Y., 1977. P. 111–136.

19. Асатрян И. Г. Промышленное развитие Горьковской области в 1970-е годы и роль соревнования в мотивации труда : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/182909.html>; Бытдаева Ф. А.-А. Государственные и общественные организации опыт и уроки воспитания рабочей молодежи в 60–80-е гг. XX века : автореф. ... канд. ист. наук. Черкесск, 2004. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/05/0215/050215035.pdf>.

20. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1920–1980-е гг.) : автореф. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2001. С. 38.

21. Бутухеев В. А. Индустриальное развитие Забайкалья (1960–1991) : автореф. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008. С. 21.

22. Цыкунов Г. А. Ангаро-Енисейский ТПК: исторический опыт уроки развития в 70–80-е гг. XX века : автореф. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1992. 46 с.; Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890-х – начало 1990-х гг.) : автореф. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996. 47 с.

23. Зыкова Н. Л. Проблемы современной историографии Сибири советского периода // Пятое Шаповские чтения. Иркутск, 2006. С. 93.

ЗУЛЯР Ю. А.

РАЗВИТИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В КОЛЛЕКТИВИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1930-е гг.)

Двадцать лет непрерывного поиска, который ведет руководство нашей страны с целью создания эффективной модели развития экономики, не привели к заметным достижениям. Заимствования зарубежного опыта и технологий плохо адаптируются или дают результат, обратный ожидаемому. Особенно неблагоприятно складывается в Сибири и на Дальнем Востоке. Это актуализирует исследования социально-экономических моделей, действовавших за рубежом и в нашей стране в предшествовавший период. Данная работа представляет собой попытку рассмотрения усилий советского правительства и региональных властей организовать в Байкальском регионе тип охотничьего хозяйства (отрасли), соответствующей их представлениям и потребностям. Эта проблема имеет не только теоретическую составляющую. Охотничья отрасль региона находится в кризисе и нуждается в помощи государства и местных властей.

В конце 1920-х гг. в Байкальском регионе (современная Республика Бурятия, Забайкальский край и Иркутская обл.) действовало эффективное децентрализованное промысловое хозяйство, основанное на семейно-родственной организации, на добровольной промысловой артели земляков, на добровольной кооперации заготовителей-охотников, на потребительской кооперации и государственной заготовительной сети, действующей в рыночных условиях. В связи с переходом к курсу на коллективизацию аграрного сектора страны, власти приступили к разрушению существовавшей системы и созданию на ее основе централизованной промыслово-заготовительной системы, находящейся под жестким контролем государства и партии и предназначенной для обслуживания интересов правящего режима.

Развернулась активная организационная и организаторская деятельность методом проб и ошибок. ВЦИК и СНК РСФСР 10 февраля 1930 г. отменили Декрет об охоте и утвердили «Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР». В нем «охотничье хозяйство» определялось как система мероприятий, обеспечивающих правильную эксплуатацию государственного охотничьего фонда. Положение пронизано идеей обеспечения неистощимости этого природного ресурса – охрана через рациональное использование. Охрану планировалось обеспечить через создание специального фонда, формируемого всеми организациями, заготавливавшими охотпродукцию. Оговаривался круг участников охотничьего промысла – физических и юридических лиц. В соответствии с этим Положением из состава охотничьих угодий выделялись особые охотничьи угодья, охотничьи заповедники и заказники. Особые охотничьи угодья передавались для эксплуатации государственным, кооперативным и общественным организациям. Для финансирования охотничьего хозяйства страны заготовительные организации были обязаны производить определенные отчисления в фонд рационализации и развития охотничьего хозяйства. Республиканским, краевым и областным исполнительным комитетам предоставлялось право устанавливать правила, сроки и способы производства охоты, список зверей, промысел которых запрещался на основании общих правил. В соответствии с ними право охоты получили граждане страны с 14 лет. Туземные охотничьи племена не имели ограничений ни по возрасту, ни по другим допускам. Все остальные должны были иметь охотничьи билеты [1].

Серьезным препятствием на пути обобществления охотничьего промысла являлись коренные народы региона, но это не могло остановить «великих» преобразователей природы и общества. Перед местной властью была поставлена задача коллективизировать промысловое население Севера и горных сибирских районов. Комитет Севера реализовывал политику руководства страны по кооперации коренных народов Севера. Среди управленцев не было единого мнения о путях трансформации промыслов коренных народов, они понимали, что вся их жизнь была сосредоточена вокруг именно этих видов деятельности. Иркутский уполномоченный комитета видел этот процесс в виде преобразования семейного промысла в охотхозяйство артельного типа. В качестве дополнительного средства существования предполагалось создать подсобное хозяйство в форме молочного животноводства. Также предполагалось организовать у них кролиководство. Из охотников-промысловиков хотели сделать оседлых скотоводов. В этих целях была организована Тутурская «культурная база». Работа продолжалась и в других районах (витимские и бодайбинские эвенки) [2].

Районные организации Баунтовского района Бурят-Монголии в конце 1930 г. развернули массовую работу среди коренного населения с целью его перехода к оседлому образу жизни и коллективизации. В марте 1931 г. было проведено Общее собрание жителей Второго Чильчигирского туземного совета, решившее организовать на общественных началах охотничьи, рыболовецкие и оленеводческие артели. Летом 1931 г. Экспедиция по отводу земли определила 4 точки оседания на 68 хозяйств. Коллегия Наркомзема БМ АССР (20.11.1931 г.) сократила их до 3. В 1932 г. было запланировано перевести на оседлость 100 хозяйств [3].

Оргкомитет ЦИК по созданию Восточно-Сибирского края 13 апреля 1931 г. предложил Витимо-Олекминскому тузокрисполкому ускорить начало предварительных работ по постройке «культурной базы». Охоткооперации было поручено организовать смешанный промыслово-животноводческий колхоз эвенков р. Киренги. Организация хозяйства должна была быть предварена переводом племен на оседлость. Летом 1931 г. крайисполком пришел к выводу, что лучшей формой организации охотничьих хозяйств в туземных районах является колхозная ферма. Поэтому он 7 июня отменил решение Киренского РИК (от 17.01.1931 г.),

предоставившего Госторгу право организовать в Токминском национальном районе охотничий совхоз. Крайохотсоюз получил право организовать там охотколхоз. Охотсоюз был обязан организовать там колхоз комплексного типа с областным одновременным землеустройством и плановым устройством всех охотугодий [4].

Если региональные руководители искали формы организации промысловиков, то союзные органы сосредоточились в этот период на создании централизованных структур, способных обеспечить руководство этим процессом в масштабах страны. В 1931 г. СТО принял постановление «О пушно-меховом хозяйстве». В соответствии с ним регулирование охоты, надзор, руководство охотничьим хозяйством, заготовки пушнины были переданы Наркомвнешторгу СССР. Его структура – Союзпушнина (впоследствии, до 1940 г., – Союззаготпушнина) занималась организацией заготовок пушно-мехового сырья [5].

Выполняя это решение, Оргкомитет ЦИК по созданию Восточно-Сибирского края (19.05.1931 г.) на основании постановления СНК РСФСР от 19 апреля 1931 г. произвел слияние Востсибторга и Бургосторга с бывшим отделением Союзпушнина и образовал Востсибпушнину. Основной сферой деятельности новой структуры являлись регулирование и заготовка пушно-мехового сырья, боровой дичи и др. Она также занималась звероводством и торговлей меховыми товарами и снабжала население охотприпасами. Затем 4 июня 1931 г., в целях развития пушно-меховой отрасли и звероводческого хозяйства и связанных с ним отраслей, учредили Восточно-Сибирское краевое товарищество. До 1934 г. в крае основными заготовителями были Востсибпушнина, Востсибкрайохотсоюз, Востсибкрайпотребсоюз [6].

Первоначально главная роль в охотопромысле отводилась колхозам и промысловым артелям. В основных промысловых районах создавались специализированные охотничьи артели. В сельскохозяйственных районах, где охота являлась подсобным промыслом, создавались промысловые бригады или отпускали колхозников на промысловый сезон. Сельхозпредприятия не выступали в качестве самостоятельных заготовителей пушнины, а работали по договорам контрактации с заготовительными организациями. В чисто охотничьих артелях продукция промысла сдавалась ими самостоятельно, и охотники получали трудодни в

определенном проценте от стоимости сданной пушнины. Колхозные охотничьи хозяйства создавались на базе как одного, так и нескольких колхозов, при этом выделялись «головные колхозы». За ними закреплялись угодья, они заключали договоры сотрудничества и солидарности с остальными колхозами. Эта форма оказалась нежизнеспособной. В последующие годы основную охотохозяйственную деятельность осуществляли охоткооперация (Всеохотсоюз) и торгово-заготовительные организации в лице Заготживсырья и потребительской кооперации.

В августе 1934 г. ВС КИК определил основными заготовительными структурами Востсибпушнину, Райинтегралцентр и Востсибкрайпотребсоюз. В районах, где существовали промохотхозяйства (Усть-Кутский, Качугский, Казачинско-Ленский, Киренский, Нижнеилимский, Жигаловский, Братский, Нижнеудинский, Тайшетский, Тулунский, Усть-Удинский, Шиткинский), договоры заключались с правлениями колхозов. В 1934 г. в Байкальской Сибири при заготовке боровой дичи 50 % приходилось на Востсибпушнину, 33 % – на Востсибкрайпотребсоюз и Бурят-Монголию, и 17 % – на Интегралцентр. В территориальном разрезе больше всего заготавливалось в Читинской области – 161 тыс. шт., в Бурят-Монголии – 100 тыс. шт. Основным заготовителем боровой дичи на экспорт в сезон 1935/36 гг. по Байкальской Сибири была определена Потребкооперация [7].

Союззаготпушнина в течение ряда лет ведала всеми операциями, связанными с пушниной, начиная с заготовок, переработки и реализации, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. В 1936 г. переработку пушно-мехового сырья передали Наркомлегпрому СССР, заготовку каракуля – Наркомату сельского хозяйства, экспорт остался в Наркомвнешторге. В июле 1939 г. Союззаготпушнину реорганизовали в Главпушнину и вновь передали в Наркомвнешторг СССР. Она стала руководить заготовками пушно-мехового сырья в стране и работой зверосовхозов. На потребительскую кооперацию возложили заготовки пушного сырья по централизованному плану на основе генерального соглашения между Центросоюзом и Главпушниной. Последняя заготавливала пушное сырье собственными силами и оказывала помощь в этом Центросоюзу, Дальстрою и Главсевморпути. В 1940 г. Заготпушнина была передана из Наркомвнешторга в Наркомат заготовок СССР. В последнем было создано специализированное объеди-

нение по заготовкам пушно-мехового, кожевенного сырья и шерсти – Заготживсырье. Оно сыграло большую роль в развитии охотничье-промыслового хозяйства РСФСР.

Перестройка отрасли оказала негативное влияние на ее эффективность, поэтому союзные и республиканские органы продолжили множить различные органы для управления и контроля. Арсенал их средств включал в себя на первом этапе только административные технологии. В сентябре 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по упорядочению охотничьего хозяйства в автономных республиках, краях и областях», которое предусматривало создание на местах инспекций по делам охотничьего хозяйства [8].

В соответствии с этой политикой, в регионе происходило создание органов, занимавшихся учетом и охраной природных ресурсов. В декабре 1931 г. ЦИК Бурят-Монголии в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР создал межведомственный Комитет содействия развитию природных богатств. Комитет был приписан к Наркомпросу республики и пользовался его аппаратом [9].

Продолжая поиск оптимальной модели управления отраслью, СНК СССР (23.01.1936 г.) охотничий промысел переподчинил с Наркомвнешторга (Союзпушнина) на Наркомзем (Союззаготпушнина). В свою очередь Наркомзем СССР в целях рационализации использования охотугодий и повышения заинтересованности колхозов в улучшении организации охотничьего хозяйства, принял решение о проведении приписки охотничьих угодий к колхозам для организации на их базе охотхозяйств. На 1936–1937 гг. приписка была проведена в 4 регионах страны (Северном, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском краях и в Омской обл.). Президиум Восточно-Сибирского КИК (3.08.1936 г.) возложил на Крайзу надзор за регулированием охотпромысла. Для выполнения этих функций ему предписывалось создать в своем аппарате и при земельных отделах в районах с развитым охотпромыслом специальные охотинспекции. Крайисполком распорядился силами охотоустроительных партий Крайзу в Киренском, Жигаловском, Шиткинском, Красночикоийском районах приписать охотугодья к колхозам для организации опытных охотхозяйств. В этих районах для постоянного обслуживания организуемых охотхозяйств создавались охотинспекции [10].

В 1936 г. край (без БМ АССР) был разделен на 4 зоны. К Дальнему Северу относились Витимо-Олекминский округ, Кантганский и Бодайбинские районы; к Ближнему Северу – Киренский, Казачинский, Усть-Кутский, Жигаловский, Качугский, Нижне-Илимский, Шиткинский и Усть-Удинский районы; к горно-таежной зоне – Нижнеудинский, Тайшетский, Слюдянский, Красночикоийский, Петровск-Забайкальский, Улетовский, Хилокский районы и Тофаларский туземный совет; к лесостепной зоне относились все остальные районы. Президиум ВС КИК (7.05.1936 г.), выполняя постановление СНК СССР от 9 сентября 1935 г., ликвидировал аппарат Бурзаготпушнины пушнозаготовительной сети в Аларском и Джидинском районах и кожевеннозаготовительную сеть Бурсоюзазоткож в Кабанском и Бичурском районах. Трансформировалась и система управления охотничьим хозяйством Бурятии. В январе 1936 г. была организована Госинспекция охоты и звероводства при Наркомземе БМ АССР, которая в 1940 г. преобразована в Госохотинспекцию, а в 1944 г. – в Управление по делам охотничьего хозяйства при СНК БМ АССР [11].

В плане заготовок весеннелетних видов пушнины 1936 г. на Востсибзаготпушнину приходилось 76,6 % пушнины и 85 % мехсырья, на Крайпотребсоюз – 18,7 % и 15 %, на Интегралцентр – 4,7 % и 0 % соответственно. По Бурят-Монголии на Бурзаготпушнину приходилось по пушнине 75,4 % и 68,4 % по мехсырью, на Бурпотребсоюз – 22 % и 0 %, на Буринтегралсоюз – 2,6 % и 31,6 % соответственно. Заготовка сурка производилась в Борзинском, Буркинском, Оловянинском районах. Через Крайно к отлову грызунов в массовом порядке привлекались школьники. Самый большой отлов планировался на бурундука (600 тыс. шт.), суслика (350 тыс.) и ондатру (50 тыс.) [12].

Решая проблему выполнения плана заготовок пушнины и мехсырья на зиму 1936–1937 гг., президиум ВС КИК возложил задания на специализировавшиеся структуры. Проблема заключалась в наличии у каждой из них монопольного права в определенном регионе края. Востсибзаготпушнина имела монопольное право на заготовки в Бодайбинском и Нижнеудинском районах, Крайпотребсоюз – в Балаганском, Кировском, Александрозаводском и др. районах, Интегралцентр – в Витимо-Олекминском округе, Северо-Байкальском, Баунтовском и др. районах. В Кантганском районе заготовку вели Востсибзаготпушнина и Интегралцентр [13].

Заготпушнина провела большую работу по охотэкономическому обследованию промысловых районов, приписке охотничьих угодий к производственно-охотничьим станциям и колхозам. Значительно возросла работа по акклиматизации животных. Наиболее успешно она велась по ондатре, американской норке и енотовидной собаке. Увеличились заготовки так называемых второстепенных видов (крота, хомяка, суслика, водяной крысы, бурндука и т. д.), удельный вес которых в заготовках пушнины в 1934 г. достигал 31 % [14].

В начале 1930-х гг. основной организационной формой оставалась промкооперация. Критическим для нее стал 1933 год. Для ее трансформации власти использовали методы, отработанные на сельском хозяйстве. Принятый 26 апреля 1933 г. закон «О ценах на продукцию промкооперации» запретил превышать уровень цен, существовавший в середине 1932 г. Одновременно государственные предприятия резко взвинтили цены на сырье, продаваемое кооперативам. В ряде случаев удорожание достигало 500 % и даже 1000 %, часто брак и отходы производства продавались кооперативам дороже, чем полноценная продукция. К этому моменту кооперативы уже не имели возможности выбора поставщика, розничная и полуоптовая торговля ресурсами была свернута. Разорение промкооперации стало неотвратимым. Из развитого звена экономики она превратилась в прозябающее, второстепенное, в слабый придаток, источник даровых инвестиций в индустрию. Само название «кооперация» стало чисто номинальным и было отменено постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации» от 14 апреля 1956 г. В постановлении отмечалось, что многие предприятия промкооперации, по существу, перестали отличаться от предприятий государственной промышленности, причем наиболее отсталых и слабых [15].

В регионе этот процесс шел быстрее, при этом центральные власти не вполне представляли технологию его организации, а местные, демонстрируя выполнение распоряжения, ничего при этом не делали. Президиум ВС КИК 23 июля 1933 г. принял постановление о ликвидации системы Охотсоюза и порядке разинтеграции. Вместе с тем в связи с отсутствием указаний от правительства по этому вопросу он распорядился не предпринимать никаких действий и не снижать работы по заготовкам. Крайис-

полком запретил создание комиссий, связанных с реорганизацией сети Интегралсоюза. Было решено создать на базе Интегралсоюзов оргбюро Райпотребсоюзов [16].

Пауза, взятая руководством страны, была недолгой. Коллективизация сельского хозяйства привела к тому, что центральной фигурой в охотничьем промысле стал охотник-колхозник. В целях укрепления работы колхозов в области охотничьего хозяйства ЦИК и Совнарком СССР приняли постановление «О ликвидации охотничьей кооперации и реорганизации интегральной кооперации» (от 17 авг. 1933 г.). В первом пункте этого постановления сказано, что во всех районах Союза ССР, за исключением районов Крайнего Севера, организация охотничьего хозяйства и охотничьего промысла производится через колхозы. Ведущими организационными моментами были признаны: плановое выделение охотников на весь период промысла; договорная система между заготовительной организацией и колхозами, обеспечивающая постепенное формирование постоянных кадров охотников; организация колхозных охотничьих бригад и проведение приписки охотничьих угодий колхозам. Интегральная кооперация, после ликвидации Всекохотсоюза (1933 г.), была передана Наркомснабу РСФСР [17].

В соответствии с постановлением бюро обкома партии и совнарком БМ АССР 7 сентября 1933 г. ликвидировали Охотинтегралсоюз. В связи с этим во всех районах, кроме Северобайкальского и Баунтовского, охотничий промысел стал организовываться через колхозы. А ВС КИК 5 ноября 1933 г. обратился в СНК РСФСР с просьбой дополнительно финансировать северную интегральную кооперацию за счет бюджета [18].

По мнению Сталина и его соратников, охоткооперация к 1933 г. полностью выполнила свою основную задачу по борьбе с частной скупкой пушнины. ЦИК и СНК СССР 17 ноября 1933 г. приняли решение о реорганизации охотничьей интегральной кооперации, как сыгравшей свою историческую роль. Однако ВС КИК 31 декабря 1933 г., исходя из производственных соображений, решил сохранить Восточно-Сибирский краевой союз с его низовой системой охотничьей кооперации до 1 апреля 1934 г. Функции Интеграла возлагались на Востсибпушнину. Крайисполком попросил ВЦИК сохранить интегральную кооперацию в Тофаларии и в Бодайбинском районе. Но его мнение не было

поддержано, и 3 марта 1934 г. в развитие своего постановления КИК (31.12.1934 г.) ликвидировал в магистральных районах с 5 апреля 1934 г. охоткооперацию, передав Востсибпушнине ее функции по охотничьим и пушно-меховым заготовкам в отдаленных и северных районах (Тофалария, Северобайкальский, Байнговский, Катангский и др. районы). В связи с этим был ликвидирован Крайохотсоюз [19].

Восточно-Сибирский исполком 3 апреля 1934 г. принял постановление о реорганизации охотинтегральной кооперации в крае. В нем он обосновал свое решение тем, кооперация свою задачу выполнила и позволила объединить охотников в колхозы. Вместе с тем было отмечено, что «...работа с единоличником убыточна», и что он, как и колхозник, может быть обслужен предприятиями Союззаготпушнины» и Потребкооперации.

Однако процесс ликвидации затянулся, а производственные показатели рухнули, и ВС крайисполкома 25 июля 1935 г., рассмотрев состояние дел в «интегральной кооперации», констатировал ее убыточность, низкий уровень делопроизводства, недокомплект кадров и др. Поэтому он ходатайствовал перед СНК РСФСР о дополнительных ассигнованиях на ее оздоровление и распорядился возвратить Интегралцентру все незаконно изъятое у него имущество [20].

Но хозяева страны не хотели отказываться от своего курса, и 17 августа 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О ликвидации интегральной кооперации и развитии советской торговли на Крайнем Севере». Выполняя это постановление, СНК РСФСР 19 сентября 1936 г. определил порядок передачи имущества интегральной (смешанной) кооперации на Крайнем Севере. В регионе материальная база была передана Востсибкрайпотребсоюзу. Руководство производственной деятельностью артелей и простейших производственных товариществ, ранее входивших в состав Интегралкооперации, было возложено на земельно-промысловые отделы РИКов.

ВС КИК (27.09.1936 г.) на основании постановления ЦИК и СНК СССР (17.08.1936 г.) ликвидировал интегральную кооперацию в крае. Осуществление торгово-закупочных операций в районах Крайнего Севера было возложено на структуру Крайпотребсоюза – в Витимо-Олекминском округе, в Северо-Байкальском и Баунтовском районах – на Буркоопсоюз [21].

Организация охотничьего промысла в колхозах не могла быть одинаковой для всей страны. В северных промысловых районах охотничий промысел служил одной из экономических основ колхозного строительства. Здесь формы производственного кооперирования населения базировались на промысловых отраслях (охота, рыболовство, оленеводство). В центральных сельскохозяйственных районах охотничий промысел был второстепенной, подсобной отраслью. Колхозы в этих районах чаще ограничивались выделением охотников на сезон промысла. В новых организационных условиях основным методом заготовок пушнины и мехового сырья стала производственная контрактация.

В основу работы на местах было положено государственное планирование, в соответствии с которым с каждым охотником заключался контракт на определенный объем добычи. Под него охотник получал авансом необходимое снаряжение, боеприпасы и продукты. В сентябре 1935 г. ВС КИК отменил порядок вознаграждения промысловиков на товарной основе из-за расширения ассортимента в торговле. Государственный план заготовок пушнины все более становился организующим фактором в деле расширения сырьевой базы промысла, в деле создания и освоения новых источников пушно-мехового сырья. План по пушно-меховому сырью по Восточно-Сибирскому краю составлял в 1932 г. – 16 734 тыс. руб. (факт. 15 930 тыс. руб.), в 1933 г. – 16 828 тыс. руб. (13 855 тыс. руб.), в 1934 г. – 16 506 тыс. руб. [22].

При перестройке заготовительной работы, осуществлении договорных взаимоотношений с колхозами встречались трудности, особенно в планировании рабочей силы и в экономическом стимулировании общественного производства. Уже через год после выхода в свет постановления оказалось, что заготовители пушнины не обеспечили пушной промысел необходимыми кадрами охотников и не вовлекли колхозы в его организацию. В целях улучшения заготовок пушнины правительством был намечен ряд мероприятий, включавших: а) заключение хозяйственных договоров с правлениями колхозов, охотничьими бригадами или артелями и отдельными охотниками, колхозами, а также с городскими любителями; б) заключение с правлениями колхозов договоров содействия охотничьему промыслу, в частности, предоставление охотникам для доставки пушнины транспортных средств; в) доведение до каждого района годовых и квартальных

планов заготовок пушнины с установлением сезонных норм добычи охотниками зимней и весенней пушнины; г) освобождение колхозников-охотников, заключивших хозяйственные договоры, от работ в колхозах на время, необходимое для выполнения договорных обязательств; д) улучшение снабжения охотничьим оружием и боеприпасами; е) проведение мер по восстановлению собаководства и снабжению охотников собаками; ж) ежегодную перерегистрацию охотников и освобождение их от назначения на другие работы во время промысла; з) установление особого значка ударника-охотника; и) повышение качества пушнины, воспроизводства, акклиматизации, развития колхозного звероводства [23].

Выполняя это решение, президиум ВС КИК в сентябре 1935 г. определил, что основным методом заготовительной работы является заключение заготовителями договоров с правлениями колхозов, охотбригадами и охотниками-любителями. В целях стимулирования «пробуксовавших» охотозаготовок, ВС КИК (ноябрь 1935 г.) ввел комиссионное вознаграждение охотникам и охотхозяйствам по хозяйственным договорам за добычу и сдачу пушно-мехового сырья в размере от 2 до 10 % за зимнюю охоту. Благодаря принятым решениям, кампания заключения договоров на добычу пушно-мехового сырья с колхозами и охотниками в 1935 г. прошла успешно, на 4-й квартал 1935 г. и 1-й квартал 1936 г. она была выполнена на 95 %. Договорами было охвачено 25 693 охотника. Особенно активно работали Востсибзаготпушнина, выполнившая план на 113,7 %, Интегралцентр – 105,4 %, «завалил» договорную кампанию Потребсоюз – 84,7 %. Зимой 1936/1937 г. основным методом заготовки также являлось заключение заготовительных хозяйственных договоров на поставку пушномехсырья с правлениями колхозов, охотбригадами, отдельными колхозниками, единоличниками и охотниками-любителями [24].

Пока в отрасли шли постоянные реорганизации, уровень заготовок резко упал. Нормы были завышенными, а организация снабжения работала плохо, поэтому планы не выполнялись. Коллегия краевой РКИ отметила, что план IV квартала 1932 г. по заготовке боровой дичи выполнен на 62,9 %. Рассматривая причины невыполнения текущего плана пушномеховых заготовок в 1933 г., ВС КИК (20.09.1933 г.) пришел к выводу об организационных причинах этого процесса (отвлечение охотников и преждевременные директивы о ликвидации охоткооперации). 10 апреля

1934 г. председатель ВС КИК Пахомов обратился к пред. Комиссии по заготовкам Клейнеру и пред. Внешторга Розенгольцу с просьбой пересмотреть план по пушным заготовкам в сторону его снижения. Просьба основывалась на соответствующем постановлении крайисполкома, где определенный центром план заготовок определялся «...несоответствующим экономике и динамике заготовок края за прошлые годы, а также заготовке текущего года». Предлагалось снизить план 3-го квартала 1934 г. по белке с 40 до 23 тыс., по песцу с 9 до 2,5 тыс., по соболю со 150 до 25 шт. На 20 декабря 1934 г. план квартала по заготовке пушнины был выполнен по краю на 70 %, в том числе Востсибпушнина – на 75,2 %, Крайпотребсоюзом – на 82,2 %, Интегралцентром – на 43,8 %, Буркоопсоюзом – на 40 %. В заготовительный сезон 1935/36 г. в Байкальском регионе (без Бурят-Монголии) при плане 325 тыс. шт. боровой дичи было заготовлено 224 140 шт. (75,1 %). Самые крупные заготовители – Бурка (45 тыс. шт.), Оловянная (42 тыс. шт.), Борзя (15 тыс. шт.) [25].

Однако Москва планов не снижала, и местные власти шли «на все тяжкие», чтобы обеспечить его выполнение. 17 августа 1933 г. НИИ Востсибпушнина и Крайохотсоюз подали в ВС КИК письмо с обоснованием необходимости внедрения охоты механизированным способом – «плашкой». Этот метод приводит к травмам зверей. Однако авторы письма, ссылаясь на новые коллективные подходы и задачи социалистического строительства, просили узаконить браконьерство для коллективизированных заготовителей. Соответственно, ВС КИК (20.09.1933 г.) разрешил бригадам колхозников производство охоты на белку «плашками». Последствия для животного мира региона были ужасными, ВС КИК 17 декабря 1934 г. запретил добычу птиц и зверей давящими и повреждающими приспособлениями, одновременно разрешив их применение при добыче мелкого пушного зверя (горностаи, ласка, колонок и др.), а также белки для охотхозяйств. Но в ноябре 1935 г. ВС КИК в целях выполнения планов заготовок боровой дичи на экспорт отменил свое запретительное постановление (от 8 июля 1935 г.) и разрешил использование самодельных орудий в сезон 1935/36 г. [26].

Важнейшей проблемой организации охотничьего промысла в стране и регионе явилось резкое сокращение числа охотников, выходящих на промысел. Причин этому было несколько. Прежде

всего, в связи с оттоком сельского населения в города в регионе стало не хватать охотников-промысловиков. Было решено использовать методы неэкономического принуждения. Например, Восточно-Сибирское краевое экономическое совещание (11.08.1931 г.) приняло решение о мобилизации в Забайкалье 3 470 охотников на промысел сурка. В целях решения этой задачи местные органы ввели регистрацию охотников-промысловиков. Проводимая весной 1934 г. перепись охотников осуществлялась по форме, разработанной центральными органами. Одновременно с переписью выдавался охотничий билет и производился сбор госпошлины на право охоты в 1934 г. В августе 1934 г. ВС КИК в соответствии с постановлением СНК СССР распорядился привлечь к организации заготовок пушно-мехового сырья в районах Крайнего Севера 19 800 охотников, в западно-магистральных районах – 16 700, в Читинской области – 9 200, в БМ АССР – 10 тыс. Заготовителями считали всех лиц, внесенных в перепись охотников [27].

В июле 1934 г. СНК СССР принял постановление о переучете охотничье-промыслового населения. Президиум ВС КИК 7 апреля 1935 г., выполняя это постановление, распорядился произвести переучет охотничье-промыслового населения. Учет производили Востсибпушнина, Интегралсоюз, Потребкооперация. Учет был введен в ежегодную практику, и в апреле 1936 г. президиум ВС КИК принял постановление «о переучете охотничье-промыслового населения, охотников-промысловиков и полупромысловиков во всех сельских и городских местностях» кроме Иркутска, Читы, Улан-Удэ. Учет охотников продолжался и в последующие годы [28].

Однако эти решения не прибавляли дополнительных промысловиков. На конец 1934 г. по плану Заготпушнины на промысел должны были выйти 30 тыс. охотников вместо 36 тыс. необходимых, по Крайпотребсоюзу – 6 100 вместо 6 540. В 1-м квартале 1935 г. в Байкальской Сибири на промысел вышло 6 887 охотников при плане 25 124. Хотя в сентябре 1935 г. по подсчетам ВС КИК в регионе насчитывалось более 27 тыс. охотников. Президиум ВС КИК (20.07.1936 г.), в целях выполнения сорванного плана на 2-й квартал по заготовке сурка (тарбагана), обязал ряд аймачных комитетов (Агинский, Улан-Ононский, Джидинский, Северо-Байкальский) выделить необходимое число охотников от 16 до

120 человек. На охотсезон 1936/1937 гг. по краю планировалось привлечь 23 600 охотников [29]. В первую очередь это было вызвано значительными задержками и нарушением договоренностей по расчетам с промысловиками со стороны заготовительных организаций.

Промысловые артели являлись специализированными охотхозяйственными предприятиями. Однако они находились в системе сельского хозяйства. Поэтому на них распространялись все требования и обязательства по сдаче сельскохозяйственной продукции. Занятия несвойственными делами существенно снижали эффективность работы артелей. План пушно-меховых заготовок в IV квартале 1933 г. не был выполнен в значительных размерах. В связи с этим ВС КИК потребовал прекратить практику привлечения промысловиков к другим работам и особенно к лесозаготовкам. СНК БМ АССР 5 февраля 1933 г. установил, что основным занятием промхозов является промысел, а сельское хозяйство является подсобным занятием. Указывалось, что сельское хозяйство в них определяется интересами промысловой деятельности и стимулирует ее развитие. В августе 1934 г. ВС КИК в соответствии с постановлением СНК СССР распорядился освобождать промысловиков от всех других видов работ. Президиум ВС КИК 31 октября 1934 г. потребовал от райисполкомов освободить всех охотников-промысловиков от других работ, а в случае их нехватки выделить дополнительных. На охотсезон 1936/1937 гг. по краю было запрещено снимать охотников с промысла на другие работы [30].

В целях подготовки новых кадров охотников и широкого развития охотничье-стрелкового спорта среди колхозной молодежи президиум ВС КИК (27.08.1936 г.) обязал сельсоветы и правления колхозов включить в каждую бригаду охотников по 1-2 молодых охотника для обучения стрельбе и промыслу [31].

Проблема сокращения количества охотников-промысловиков была общесоюзной. Сокращение охотников-промысловиков пошло быстрыми темпами. По материалам всесоюзной переписи в РСФСР, охотой на профессиональной основе было занято в 1926 г. – 72,3 тыс. чел., а в 1939 г. – 29,6 тыс. Данные заготовительных организаций также свидетельствовали о сокращении числа охотников-договорников. Если в начале 1930-х гг. их насчитывалось 475 тыс. чел., то в 1939 г. – 314 тыс. Сокращение охотников было обусловлено снижением материальной заинтересованности в промысле [32].

Одной из важнейших причин неудовлетворительного положения с выполнением плана заготовок были долги заготовителей перед промысловиками, которые они не торопились возвращать, далеко не всегда по своей вине. Зачастую у них не было этих товаров, ибо в стране был товарный голод. Из-за этого в значительной степени план IV кв. 1934 г. по заготовке пушнины был выполнен по краю только на 70 %, в том числе Востсибпушнина – на 75,2 %, Крайпотребсоюзом – на 82,2 %, Интегралцентром – на 43,8 %, Буркоопсоюзом – на 40 %. По мнению специалистов крайисполкома, главной причиной являлось недополучение фондов товарного стимулирования промысла. Охотники придерживали пушнину до подхода промтоваров. В связи с этим ВС КИК указал основным заготовителям (Востсибпушнина, Крайохотсоюз, Потребсоюз) на необходимость срочно рассчитаться с коллективами по всем долгам и обязательствам. С целью сохранения охотников на промысле Крайисполком 28 января 1934 г. принял решение о повышении нормы их «хлебоотovarивания». Президиум ВС КИК постоянно требовал от охотхозяйств и советских органов увеличения количества выхода охотников, что было непросто. На 5 декабря 1935 г. план 4-го квартала был выполнен лишь на 41 %. Для изменения ситуации ВС КИК указал на необходимость срочно улучшить обеспечение охотников боеприпасами. На охотсезон 1936/1937 гг. по краю старались организовать в необходимом объеме обеспечение охотничьих бригад и завоз всего необходимого в зимовья до начала сезона. Нормативный список завоза превышал 80 позиций [33].

Понимая, что только административными мерами положения не исправить, власти стали использовать меры материального и морального поощрения промысловиков. В декабре 1934 г., когда в крае возникла угроза срыва задания по пушно-меховым заготовкам (особенно неблагополучно обстояли дела в Бурят-Монголии и Читинской области), кроме усиления контроля, крайисполком создал дополнительный фонд премирования передовиков и улучшил снабжение охотников необходимыми для промысла товарами [34].

Использовались и другие меры, в том числе морального стимулирования. На охотсезон 1935/1936 гг. по краю охотники собирались в бригады, на базе которых и внутри их власти пытались организовывать соревнования. Президиум ВС КИК в апреле 1936 г.

за «систематическое перевыполнение обязательств перед государством по сдаче пушнины» наградили значком «Охотник-ударник» 12 промысловиков Витимо-Олекминского округа. Среди награжденных – 10 эвенков, русский и якут. Также были награждены значком 38 промысловиков Предбайкалья и Восточного Забайкалья за перевыполнение норм в 3-4 раза. В июне 1936 г. Президиум ВС КИК наградили значком «Охотник-ударник» промысловиков Баунтовского района БМ АССР и Тофаларского национального района. Среди 13 награжденных – бригадир-эвенк С. В. Молоков, колхозник-эвенк В. Г. Логончин, промысловик-эвенк А. И. Доргокчев и др. В июне 1936 г. президиум СНК БМ АССР за успешный отстрел, применение механических способов лова пушного зверя, уничтожение вредителей сельского хозяйства и систематическое перевыполнение принятых обязательств наградили грамотой правительства республики и значком «Охотник-ударник» 10 промысловиков, грамотой и ценным подарком – 16 чел. В сентябре 1936 г. президиум ВС КИК наградили лучших охотников потребкооперации северных районов края. За систематическое перевыполнение контрактных договоров по добыче и сдаче пушнины, за высокое ее качество, за активное участие в борьбе с браконьерством Е. М. Третьяков, Н. К. Антипин, В. А. Потапов были награждены значками «Охотник-ударник» [35].

Власти постоянно искали способы повышения объемов сдаваемой государству пушнины и дичи. В целях предотвращения оттока пушнины на вольный рынок мимо госзакупки в 1936–1937 гг. было введено строгое нормирование отпуска боеприпасов – дробь выдавалась из расчета сданных шкурок. В целях повышения качества пушнины охотников ориентировали на использование самодельных и механизированных орудий добычи (капканы, кулемки, чиреканы) [36].

Массированный прессинг на биологические ресурсы региона, варварские методы добычи зверя привели к истощению промысловой базы. Вследствие неумеренной добычи с конца 1920-х гг., поощряемой высокими заготовительными ценами, заметно падали заготовки шкурок соболя. В 1935 г. их добыча и заготовка были повсеместно запрещены на 5 лет. Со второй половины 1930-х гг. стали заметно снижаться заготовки большинства видов пушнины [37].

Снижение материальной заинтересованности охотников-колхозников усугублялось тем, что оплата их труда была ниже

уровня закупочных цен на пушнину. Часть стоимости сданной пушнины колхоз отчислял на пополнение общественных фондов. Такое положение ставило в неравные условия охотников-колхозников по сравнению с другими промысловиками. Заготовительные организации отчисляли колхозам по прямым договорам 8 % и по договорам содействия – 4 % суммы заготовительной стоимости сданной пушнины, что лишало хозяйства заинтересованности в развитии охотничьего промысла и не способствовало укреплению этой отрасли колхозного производства. Для решения этой проблемы закупочные цены на пушнину в этот период были повышены, но в недостаточном объеме. Заготовительная стоимость пушнины в сопоставимых ценах в 1938–1940 гг. был в 3–4 раза ниже, чем в 1927–1929 гг. [38].

С началом коллективизации руководство отрасли по указанию правительства страны приступило к многолетним поискам организационно-правовых форм, адекватно заменяющих охоткооперацию. Была выдвинута идея развития охотничьего хозяйства в комплексе с кедровым промыслом. Созданное объединение «Союзкедр» в начале 1930-х гг. приступило к организации специализированных кедропромхозов, которые наравне с организацией орехового хозяйства должны были заниматься и охотничьим производством. Кедропромхозы намечалось создать на юге Красноярского края и на Горном Алтае на лучших участках кедровых лесов [39]. В целях хозяйственного освоения кедровых массивов Южного Забайкалья (Читинская область) в 1930-х гг. были созданы промысловые предприятия «Союзкедр». Узкая специализация производства этих хозяйств не могла создать основы для устойчивой рентабельности, поэтому вскоре их деятельность прекратилась.

Для полного освоения отдаленных угодий в промысловых районах в начале 1930-х гг. были организованы производственно-охотничьи станции (ПОС) – государственные производственные предприятия. Задача этих станций заключалась в увеличении выхода продукции промысла и оказании всестороннего содействия колхозному охотничьему хозяйству и звероводству в зоне своей деятельности. Большое внимание уделялось техническому оснащению станций, обеспечению их транспортными средствами. Помимо охотничьего промысла, они занимались подсобным сельским хозяйством, рыболовством, оленеводством, сбором оре-

хов, ягод, грибов и т. д. К началу 1936 г. в районах европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока работали 48 производственно-охотничьих станций с территорией обслуживания 684 тыс. км². Разносторонняя деятельность станций в наиболее богатых промысловых районах сыграла важную роль в укреплении новых принципов в охотничьем хозяйстве и его реконструкции на более совершенной технической базе. В частности, СНК БМ АССР 25 января 1933 г. принял решение об организации производственно-охотничьей станции в Окинском хошуне Тункинского аймака. ПОС провели большую работу по коллективизации местного населения, организации охотничьего хозяйства, освоению глубинных охотничьих угодий и обогащению пушно-сырьевой базы путем акклиматизации ондатры и американской норки. Довоенный период деятельности ПОС наиболее плодотворен и характеризовался высоким уровнем заготовок пушнины. Эти организации представляли тогда единый «пушной комбинат» тайги. В военные годы некоторые ПОС были ликвидированы, в том числе в Байкальском регионе [40].

Таким образом, коллективизационная революция 1930-х гг. в полной мере произошла и в охотничьем промысле. На примере Байкальского региона видно, как в угоду фетишу огосударствления и окопхозничавания охотников-профессионалов и охотников-договорников была разрушена процветающая отрасль, дававшая в 1920-е гг. большую часть валютных поступлений. Эта политика нанесла серьезный и непоправимый удар по русскому промысловому населению и по коренным народам, для которых промысел составлял основу их хозяйствования и существования.

Индивидуальный, семейный и артельный промысел независимых охотников советская власть стала ломать и приспособлять под внедряемую в аграрный сектор коллективизационную модель жизни и хозяйствования. После разрушения рыночных экономических отношений промысловики были привязаны к государственным планам, определяемым из Москвы и не учитывавшим реальную ситуацию на местах. Государственные расценки на сдаваемую пушнину и дичь были в несколько раз ниже доколлективизационных. Боеприпасы и продукты стало невозможно приобрести на свободном рынке, а снабжение по обязательным поставкам было дорогим и плохим. Приемщики продукции рассчитывались с промысловиками не в срок, товарами ненадлежащего качества и по ценам выше, чем в магазинах розничной торговли.

Видя развал отрасли, власти испробовали весь арсенал средств воздействия, начиная с репрессивного и заканчивая мерами материального и морального стимулирования. Они изобретали и внедряли среди промысловиков и коренного населения различные организационно-правовые формы их объединения и производственной кооперации. Но все они были неэффективными и не вызывали поддержки у людей, в них организуемых. Поэтому наиболее молодые и успешные промысловики переставали заниматься на профессиональной основе охотой и/или уходили в город. В связи с этим численность охотников-профессионалов в течение десятилетия сократилась более чем в два раза. Можно констатировать, что коллективизация охотничье-промыслового хозяйства страны, проводимая большевиками, обернулась огромными издержками для экономики страны, уроном для животного мира, массовым развитием браконьерства и трагедиями для миллионов людей, занятых в этой отрасли.

Примечания

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1087. Л. 131; Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 10.
2. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 282.
3. ГАИО. Ф. Р-2383. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.
4. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 165. Л. 5; Д. 264. Л. 120.
5. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 22; Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 11.
6. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1. Л. 305,325; Д. 802. Л. 59.
7. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1064. Л. 143; Д. 1078. Л. 512; Д. 1362. Л. 68.
8. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 11,12.
9. ГАИО. Ф. Р. 600. Оп. 1. Д. 7. Л. 460.
10. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1546. Л. 140-146.
11. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1562. Л. 170; Д. 1583. Л. 80; Бурятия: концептуальные основы стратегии устойчивого развития, М., 2000. С. 290.
12. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1499. Л. 73-75.
13. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1554. Л. 162.
14. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 24.
15. Аргументы и факты. 1988. № 47. С. 24.
16. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 794. Л. 108.
17. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 23. Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 11.
18. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 809. Л. 82; Д. 815. Л. 179.
19. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 814. Л. 18; Д. 1065. Л. 132.
20. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1071. Л. 324; Д. 1329. Л. 62.
21. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1487. Л. 47; Д. 1560. Л. 118.
22. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1355. Л. 275; Д. 1071. Л. 414.

23. Копылов И. П. Экономический очерк промысла // Охотничье промысловое хозяйство Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. С. 101.
24. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1554. Л. 162; Д. 1355. Л. 273; Д. 1363. Л. 185; Д. 1370. Л. 74.
25. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 802. Л. 59; Д. 1058. Л. 74; Д. 1060. Л. 50; Д. 1064. Л. 254; Д. 1557. Л. 72.
26. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 802. Л. 59,73; Д. 1064. Л. 132; Д. 1363. Л. 69.
27. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 374. Л. 26; Д. 1064. Л. 143; Д. 1066. Л. 240.
28. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1338. Л. 61; Д. 1514. Л. 136; Д. 1574. Л. 161.
29. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1064. Л. 229; Д. 1330. Л. 76; Д. 1355. Л. 274; Д. 1554. Л. 163; Д. 1584. Л. 84.
30. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 812. Л. 5; Д. 816. Л. 51; Д. 1064. Л. 143; Д. 1084. Л. 212; Д. 1554. Л. 163; Данилов Д.Н. Указ. соч. С. 89-90.
31. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1554. Л. 163.
32. Данилов Д. Н. Указ. соч. С. 24-26.
33. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 812. Л. 5; Д. 1064. Л. 254; Д. 1067. Л. 10; Д. 1372. Л. 12; Д. 1554. Л. 163.
34. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1086. Л. 132.
35. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1507. Л. 54; Д. 1512. Л. 17; Д. 1537. Л. 20; Д. 1554. Л. 163; Д. 1560. Л. 310; Д. 1581. Л. 57.
36. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 1554. Л. 165.
37. Данилов Д. Н. Указ. соч. С. 24.
38. Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 24-26.
39. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах. М., 1966. С. 36.
40. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 816. Л. 41; Охотничье хозяйство СССР. М., 1973. С. 22; Охотничье хозяйство РСФСР. М., 1978. С. 11, 15.

ИВАНОВ Е. Н.

ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТОЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ГОР СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Горные территории Сибири с точки зрения социальной географии в основном принято рассматривать как источники полезных ископаемых, и, в редких случаях, как рекреационные объекты. Упускается из виду фактор, который в скором будущем способен стать достаточно важным – оледенение. Оледенение гор Сибири относится к малым формам, поэтому не стоит рассматривать сибирские ледники как потенциальные источники пресных вод, как происходит в других, более крупных, ледниковых районах. Ледники Сибири интересны в первую очередь как индикаторы произошедших климатоэкологических изменений, а так как это малые формы, скорость ответа на эти изменения достаточно высокая. Изучая то, что произошло с высокогорными ландшафтами в недавнем прошлом, можно с определенной до-

406